

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Исторический факультет

На правах рукописи

УДК 930.26

МАМАЕВ Хамид Магомедович

**НАСЕЛЕНИЕ ПЛОСКОСТНОЙ ЗОНЫ
СРЕДНЕГО ПРИТЕРЕЧЬЯ
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

(Материальная культура по данным погребальных памятников)

Специальность 07.00.06 — Археология

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Москва — 1985

Дорогому Сергею с искренней любовью
за помощь и содействие
удачи!

25.05.85г.

Халим.

Работа выполнена в секторе археологии и этнографии Чечено-Ингушского ордена «Знак Почета» института истории, социологии и филологии.

Научный руководитель —
доктор исторических наук,
профессор, заслуженный деятель
наук РСФСР и ЧИАССР В. Б. Виноградов

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Ю. Л. Шапова;
кандидат исторических наук Г. Е. Афанасьев

Ведущее учреждение — Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова.

Защита диссертации состоится «_____» _____ 1985 г.
в _____ часов на заседании специализированного совета
К.053.05.29 по археологии и этнографии исторического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
им. А. М. Горького МГУ им. М. В. Ломоносова.

Автореферат разослан « _____ » _____ 1985 г.

Ученый секретарь специализиро-
ванного совета кандидат исто-
рических наук, доцент

Л. Б. ЗАСЕДАТЕЛЕВА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Современный уровень исследованности раннесредневековой археологии и истории Среднего Притеречья характерен наличием целого ряда нерешенных проблем, среди которых основное место занимает слабая изученность материальной культуры погребальных памятников, несмотря на определенные результаты, достигнутые медиевистами (Е. И. Крупнов, В. А. Кузнецов, М. Х. Багаев, В. Б. Ковалевская). Это прежде всего касается плоскостной части бассейна Среднего Терека, которое с конца IV в. до середины XIII в. имело многочисленное разноэтническое население. Важность изучения материальной культуры некрополей данного периода на рассматриваемой территории обуславливается и тем, что они являются основным источником для суждений об этнической ситуации в крае, получающей в новейшей литературе диаметрально противоположные оценки.

Острая необходимость в проведении такого исследования стала особенно ощутимой в последние годы в связи с накоплением значительного, в большей части принципиально нового раскопочного материала и подготовкой раннесредневековых глав двухтомной «Истории Чечено-Ингушской АССР».

Цели и задачи исследования. Основной целью работы является исследование материальной культуры населения плоскостной зоны Среднего Притеречья по данным погребальных памятников, получившая выражение в следующих конкретных задачах:

— проведение классификационного анализа инвентаря и разработка хронологической шкалы катакомбных могильников на исследуемой территории;

— изучение вопросов развития форм материальной культуры и погребального обряда алаанского населения Среднего Притеречья;

— выявление и анализ погребальных памятников тюркоязычного этноса края;

— осмысление материалов погребальных памятников в плане воссоздания сложной этнической ситуации рассматриваемой эпохи в Среднем Притеречье.

Новизна и практическая ценность работы. Впервые предпринимается попытка обобщения и анализа всего наличного фонда материалов погребальных памятников Среднего Притеречья, основную часть которых составляют результаты новых раскопок. Разработана хронологическая шкала катакомбных могильников, выявлена общая картина развития их материальной культуры и обряда, что

позволит продвинуться вперед в решении аланской проблемы в целом. Впервые выявлены и проанализированы древности тюркоязычных кочевников.

Полученные результаты позволяют по-новому представить ряд аспектов исторического процесса на рассматриваемой территории в эпоху раннего средневековья, взаимоотношения его полиэтничного населения в динамике развития. Удалось выяснить этнокультурную специфику обширного района края восточнее р. Аргун, ранее считавшуюся неясной.

Практическая ценность работы состоит в возможном ее использовании для написания обобщающих работ по археологии и средневековой истории регионального и более локального характера, в частности, соответствующих глав «Истории Чечено-Ингушской АССР», а также для чтения спецкурсов в вузах. Материалы диссертации могут получить применение в пропагандистской работе по интернациональному и атеистическому воспитанию.

Апробация результатов исследования осуществлялась в виде публикации научных статей в археологических изданиях и выступлений на конференциях. По итогам своих исследований автор выступил на III—X «Крупновских чтениях» (1973—1980 гг.), II Всероссийской конференции по проблемам историографии истории народов Дона и Северного Кавказа (1978 г.), региональной конференции «Археология и краеведение — вузу и школе» (1981 г.), Всесоюзной археологической конференции «Советская археология — XI пятилетке» (1983 г.). В докладах и опубликованных статьях отражены основные выводы и положения настоящей работы.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав и заключения, списка использованной литературы и принятых сокращений. К диссертации прилагаются: детальное описание исследуемых погребальных комплексов; классификация каменных и стеклянных бус, а также деталей поясных наборов (пряжки, бляхи, наконечники, обоймы), описание сабель Мартан-Чуйского I-го могильника и технологических признаков керамики катакомбных некрополей Среднего Притеречья, вынесенных в приложение из-за ограниченности объема; классификационные таблицы основных категорий инвентаря; таблицы описания погребального обряда катакомбных могильников и альбом иллюстраций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность избранной темы, сформулированы цели и задачи исследования, дается обоснование его хронологических и территориальных рамок.

Первая глава — «Источники и историография» — посвящена обзору истории изучения погребальных памятников и анализу актуальных вопросов историко-археологического исследования Среднего Притеречья эпохи раннего средневековья.

Несмотря на то, что погребальные памятники Среднего Притеречья, в частности, катакомбные могильники, привлекли внимание

специалистов еще до революции (А. А. Бобринский, П. С. Уварова, В. И. Долбежев, Г. А. Вертепов, Ф. С. Панкратов-Гребенец), исследовались в 30—50-х годах XX века (А. П. Круглов, А. В. Мачинский, Л. П. Семенов, Е. И. Крупнов), их целенаправленные раскопки начались лишь в 70-х годах XX века. Работы последних лет (В. Б. Виноградов, В. А. Петренко, Х. М. Мамаев, М. Х. Багаев и др.) привели к накоплению большого количества ценного материала, еще не получившего должного обобщения. Погребальные памятники кочевников тюркского круга в Среднем Притеречье до сих пор не были предметом специальных полевых усилий археологов, попадая в поле их зрения случайно (Ф. С. Панкратов-Гребенец, А. А. Миллер и Б. Б. Пиотровский, А. П. Круглов, Л. Н. Гумилев, В. Б. Виноградов).

Вопросов изучения собственно материальной культуры погребальных памятников конца IV — первой половины XIII в. Среднего Притеречья в разной степени касались Л. П. Семенов, А. П. Круглов, Е. И. Крупнов, Л. Г. Нечаева, В. А. Кузнецов. Завершением этого этапа исследования материальной культуры могильников следует считать работу М. Х. Багаева (1970 г.), повторившего основные выводы предшественников. На аланскую принадлежность катакомбных памятников (Гоуст, Фельдмаршальская, Верхний Алкун, Дуба-Юрт) еще до войны указал Е. И. Крупнов. К аналогичному выводу в отношении алхан-калинских и алдынских катакомб пришла Л. Г. Нечаева. Используя эти данные, В. А. Кузнецов подтвердил аланскую принадлежность раннесредневековых катакомб, включив в ареал расселения алан большую часть рассматриваемой территории, вплоть до р. Аргун. М. Х. Багаев, первоначально разделив указанную позицию, затем резко изменил мнение, пытаясь на основе тех же материалов утвердить тезис о доминировании на плоскости аборигенных (нахских) племен. Однако данный вывод не разделяется большинством специалистов, которые основным этническим массивом Среднего Притеречья считают алан, связывая с ними раннесредневековые катакомбные некрополи (В. А. Кузнецов, В. Б. Виноградов, М. Г. Магомедов, В. Б. Ковалевская, Х. М. Мамаев и др.). Противоречит это и содержанию письменных свидетельств, исследовавшихся А. В. Гадло и М. П. Абрамовой, которые пришли к далеко не однозначным выводам.

Высказано, не получив, однако, должного обоснования, мнение о проникновении на исследуемую территорию и тюркоязычных кочевых групп (Л. Н. Гумилев, В. А. Кузнецов, В. Б. Виноградов, А. В. Гадло).

Таким образом, налицо дискуссионность в понимании этнической ситуации в Среднем Притеречье эпохи раннего средневековья, что делает необходимым углубленную проработку накопленных материалов погребальных памятников в этом направлении.

Вторая глава — «Классификация погребального инвентаря катакомбных могильников Среднего Притеречья» — посвящена систематизации обильного вещевого материала. В разделе «Украшения и предметы одежды» дается классификация и описание 6 типов

браслетов, 10 типов перстней, 11 типов серег и височных подвесок, 24 типов металлических блях, связанных с украшением различных деталей одежды, 8 типов металлических пуговиц, 5 типов застежек, 4 типов подвесок, 7 типов бубенчиков, 60 типов каменных бус, 101 типа стеклянных и 5 типов металлических бус, а также шейных гривн, фибул, булавок.

В разделе «Орудия труда и предметы быта» классифицированы 3 типа тесел-мотыжек, 3 типа ножей, 9 типов копоушек, 21 тип зеркала, описаны пряслица, игольницы, кабаньи клыки, оселки, ногтечестки, пицеты, ложки, гребни, флаконы, игрушки.

Раздел «Оружие и воинское снаряжение» включает классификацию и описание 4 типов топоров, 5 типов двулезвийных секир, палаша и 3 типов сабель, кинжалов, метательных ножей, наконечника копья, 2 типов луков, 3 типов железных наконечников стрел, колчанов и горитов, 2 типов колчаных крюков, деталей поясных наборов и ремней: 41 типа пряжек, 68 типов блях, 9 типов наконечников, 3 типов обойм, а также конской сбруи — удил, 2 типов стремян, 4 типов начельников, 3 типов подвесных блях, подпружных пряжек.

В разделе «Амулеты» описаны 13 типов металлических амулетов (колесовидные, кольцевидные, амулеты с птичьими головками, амулеты из тройных колец, зоо- и антропоморфные, крестовидные и др.) и 5 типов амулетов из органических материалов (из костей животных, в том числе альчиков, клыков, раковин, перламутровых пластинок).

В последнем разделе «Сосуды» рассматривается разнообразная посуда из катакомбных могильников Среднего Притеречья. Среди столовой керамики выделены 8 типов кувшинов, 3 типа кубышек, 5 типов кружек, 5 типов мисок, 4 типа горшков, среди кухонной — 2 типа горшков. Деревянная посуда представлена находками чаш и бокалов, стеклянная — графинообразными сосудами, бокалами и стаканами, чашами, флакончиками. К металлической посуде относится кружка.

Третья глава — «Хронология могильников и некоторые вопросы развития материальной культуры населения Среднего Притеречья» — посвящена в основном рассмотрению хронологических рамок функционирования катакомбных некрополей. Последние разделены на три хронологические группы: конец IV — пер. пол. VIII в.; втор. пол. VIII—IX в.; X — пер. пол. XI в.

В первой хронологической группе наиболее ранними представляются Алдынский и Алхан-Калинский подкурганые могильники, возникшие еще в позднесарматское время (Л. Г. Нечаева, В. Б. Виноградов, М. П. Абрамова, В. А. Петренко). Наличие в первом комплексе гуннского и более позднего времени документируется находками металлических серег с четырнадцатигранными, овальнорамчатыми, В-образными, трапециевидными пряжками, а также керамики (В. Б. Ковалевская). Хронологически показателен чернолощенный кувшин с орнаментом из оттисков З-образного штампа, аналогичных элементу декора металлических изделий Юго-Восточной Европы V—VII вв.

Погребения в Алхан-Калинском могильнике, относящиеся к на-

чалу раннего средневековья, содержали типичные овальнорамчатые пряжки, наконечники ремней с трехгранными лицевыми пластинами и с перегородчатой инкрустацией. Комплексов позднее V в. пока нет (курган 7, датированный Л. Г. Нечаевой V—VI вв., определяется гуннским временем). Однако некоторые данные позволяют предполагать, что подкурганые катакомбы в этой части Среднего Притеречья бытовали и позднее (дирхем 770 г. из раскопанного П. С. Уваровой погребения в окрестностях Кулары; динар 738/739 гг. из кургана у Грозного и т. д.).

О наличии других могильников конца IV—V в. в бассейне р. Суужи свидетельствуют случайные находки из окрестностей Грозного (Черноречье, Заводской район, Сюир-Корт 1), у Петропавловской и Чир-Юрта. К началу V века отнесен и курган 5 Октябрьского могильника (М. П. Абрамова). Втор. пол. V — пер. пол. VI в. датируются катакомбы 2, 3, 5 грунтового Мартан-Чуйского 2 могильника, судя по типичным формам керамики и круглорамчатой пряжке с утолщением у основания язычка. Здесь обнаружены деформированные черепа, как и в ограбленных грунтовых катакомбах Али-Юртовского могильника. Наличие в последнем мисок типа брутских (М. П. Абрамова) определяет дату части погребений в рамках V—VI вв., подтверждаемую и стратиграфически. Одна из камер прорезана дромосом катакомбы 5, содержащей детали поясного набора VII в. Гудермесские находки датируются VI—VII вв.

Большинство комплексов первой хронологической группы относится к VII в. Среди них более ранними (пер. пол. данного столетия) являются материалы Урус-Мартановского 3 и Бердутинского грунтовых могильников. В первом показателны В-образная пряжка с геральдическим шитком и калачиковидная серьга, сероглиняный кувшин. Во втором указанное время можно признать основным этапом функционирования некрополя, так как геральдические детали поясов (в том числе В-образные пряжки с инкрустацией в традициях предшествующего времени — по А. К. Амброзу) обнаружены и во вскрытых погребениях, и в сборах со всей территории могильника. В то же время ряд находок: полиэдрические серьги, овальнорамчатые пряжки, отдельные типы браслетов и бус свидетельствуют о функционировании могильника в VI в.

Ко второй четверти VII в. относится погр. 7 Мартан-Чуйского 2 могильника, где вместе с монетой Хосрова II найдена Т-образная бляшка, типичная для второго этапа Мокрой Балки (Г. Е. Афанасьев). Однако здесь встречены характерные мелкие, небрежно граненные сердоликовые бусы, как и в погр. 2 кургана 8 Аллероевского могильника, где также была монета Хосрова II (таких бус нет в известных материалах Бердутинского могильника).

В этих погребениях найдены аналогичные вещи — ложновитые гривны, браслеты, полиэдрические серьги, предметы с стеклянными вставками, но более поздняя дата аллероевского комплекса определяется наличием бипирамидальных глазчатых бус и колокольчика (аналогии — в грунтовой могильнике Верхнего Чир-Юрта (А. К. Амброз) и IV этапа Мокрой Балки (Г. Е. Афанасьев). Остальные погребения Аллероевского курганного могильника, ранее

датированные V—VII вв., относятся в основном к VII в. Встреченные в них предметы — полиэдрические серьги, застёжки — «палочки», штампованные наконечники поясов с ложной зернью и бляшки, овальнорамчатые пряжки, мелкие сердоликовые бусы удовлетворительно сопоставляются именно с этим столетием. Серьезным признаком того, что известные материалы не могут уходить далее начала VIII в., является отсутствие металлических пуговиц и бубенчиков. Не меняет дела и находка браслетов с стремя утолщениями, появляющихся, по А. К. Амброзу, в конце VII в. Их прототип обнаружен в Таркинском могильнике (Дагестан), что делает вполне резонным мнение о горском происхождении и более раннем появлении (Д. М. Атаев). VII в. можно также датировать Урус-Мартановский 2, Исти-Суйский грунтовые могильники, погр. 6 Мартан-Чуйского 2 некрополя.

Наиболее поздним комплексом в первой хронологической группе является катакомба 1 Мартан-Чуйского 2 могильника. В ее инвентаре наряду с сердоликовыми бусами указанного выше типа, ложновитой гривной, полиэдрическими серьгами, браслетами оказался кувшинчик, пропорциями близкий салтово-маяцким, что позволяет отнести катакомбу к пер. пол. VIII в.

Помимо рассмотренных выше материалов к данной группе предварительно (ввиду отсутствия достаточных данных) отнесены Шалинский, Урус-Мартановский 1, Ахкинчу-Барзоевский 2 грунтовые, Пседахский 3 курганный могильники.

Предпринятый разбор позволил впервые представить в общих чертах материальную культуру катакомбных могильников Среднего Притеречья конца IV — пер. пол. VIII в., тем самым устранив обширную лауну между позднесарматским временем и давно известными материалами VIII—IX вв., которые, впрочем, существенно пополнились за счет раскопок новых могильников. Они составили основу второй хронологической группы.

Два комплекса втор. пол. VIII в. оказались среди исследованных погребений Мартан-Чуйского 2 могильника. В них показательны металлические литые пуговицы, стеклянные голубые разделители, колесовидный амулет, «рогатая» пряжка и серьги с неподвижной бусинной колонкой. Происхождение последних связывают с Закавказьем (Д. М. Атаев, В. Б. Ковалевская), однако не исключено, что прототипы их надо искать в позднекобанских комплексах, где встречаются похожие украшения (Кобань, Казбек, Верхняя Рутха, причем датировку таких серег из последней раннежелезного временем нельзя считать доказанной).

Ко второй хронологической группе целиком относится Гоустский могильник. Его материалы рассматривались неоднократно (Е. И. Крупнов, В. А. Кузнецов, В. Б. Ковалевская, Т. М. Минаева). Сопоставление хронологически значимых признаков инвентаря позволяет выделить в нем два этапа: ранний и поздний. Комплексы первого датируются временем не позднее конца VIII в. В них еще встречаются вещи, характерные для первой хронологической группы (полиэдрические серьги, пряжки и т. д.). В погребениях позднего этапа многочисленны стеклянные перстни и сосуды,

значительно больше металлических пуговиц и бубенчиков, что определяет его дату в основном пер. пол. IX в. Стеклянные перстни обнаружены также в Бейнийском и Верхне-Алкунском могильниках, где их датировка не ранее конца VIII—IX в. контролируется арабскими монетами VIII в. и другими находками. Следует учесть, что основной приток куфической монеты в Среднее Притеречье начинается в последней трети VIII в.

Фельдмаршальский могильник относится ко втор. пол. VIII — пер. пол. IX в. Не ранее этого времени возник Дуба-Юртовский 1 могильник, хотя А. П. Круглов углублял его нижнюю дату до VI—VII вв. Материалы раскопок этого некрополя в 1937 и 1939 гг. не опубликованы и не сохранились полностью, но, судя по некоторым данным, основная их часть не выходит за рамки второй хронологической группы, хотя были обнаружены и более поздние комплексы («не позднее X века» по А. П. Круглову). Отдельные предметы из сборов в Дуба-Юрте, в том числе редкая металлическая кружка, хранящиеся в Чечено-Ингушском республиканском краеведческом музее, не противоречат этому. Втор. пол. VIII — пер. пол. IX в. датируется ногай-юртовский комплекс. Мартан-Чуйский 3 и Комсомольский могильники относятся ко втор. пол. VIII—IX вв.

Интересен Ахкинчу-Барзоевский 1 могильник, хронологически определяемый в рамках VIII — начала IX в. Возможно, в его материалах есть и комплексы пер. пол. VIII в., но достоверно выделить их сейчас сложно еще и потому, что культура памятника носит смешанный (алано-болгарский характер). В частности, со вторым компонентом связываются характерные поясные наборы с крупными наконечниками типа каззовских (Прикубанье) и эски-керменских (Крым), не показательные для собственно аланского населения Северного Кавказа. Болгарский облик имеет и часть керамики (кувшин, кубышки).

Ряд комплексов второй хронологической группы выявлен в Мартан-Чуйском 1 могильнике. По известным материалам (находки из разрушенных погребений и комплекс блях 1973 года) его возникновение относится ко времени не ранее середины VIII в., что подтверждается параллелями из наиболее поздних катакомб Мартан-Чуйского 2 могильника (погр. 4).

Наблюдения за эволюцией некоторых характерных для первого этапа развития Мартан-Чуйского 1 могильника категорий материальной культуры позволяет выделить ряд хронологически значимых моментов. Так, у серег с подвижными колонками зернь между бусинами подвески в конце этапа сменяется биконическими пронизьями; зажимы (лапки) перстней превращаются в гипертрофированно крупные боковые головки; к концу этапа исчезают солярные бляшки и наконечники с елочковидным орнаментом от ремней для обуви; в декоре поясных наборов сочетаются элементы различных стилей и влияний; в комплексах этого времени встречены секиры с двумя подтреугольными лезвиями, которые постепенно сменяются Т-образными формами, и т. д.

Привлечение датированных аналогий позволяет предложить более подробную хронологию ряда комплексов в рамках конца

VIII—IX в. и поставить вопрос о времени появления и происхождения некоторых категорий вещей (например, двулезвийных секпир). Среди других находок особо выделяется характерный конский начельник, в уникальном декоре которого примечательно совпадение сюжетов и деталей с росписями Пенджикента и восточноиранскими изделиями торевтов раннего средневековья.

На территории Среднего Притеречья зафиксирован ряд случайных находок, свидетельствующих о наличии целого ряда катакомбных некрополей второй хронологической группы, еще не подвергшихся результативным раскопкам (Али-Юрт, Пседах, Герменчук, Чинки, Центорой и др.).

В целом значительное увеличение материалов втор. пол. VIII—IX в. по сравнению с ранее известными существенно расширяет наши представления о материальной культуре этого времени.

Материалы третьей хронологической группы обнаружены при раскопках Мартан-Чуйского I могильника, а также представлены отдельными комплексами и находками из Джалки, Дуба-Юрта и Майртупа.

Анализ инвентаря катакомб второго этапа Мартан-Чуйского I могильника выявляет несколько категорий, обладающих хорошими датировочными возможностями, как-то: стеклянные браслеты, характерные бусы с восьмеркообразным орнаментом из перекрещивающихся нитей и глазков, черный блестящий бисер, бубенчики с валликом на корнусае и т. д.

В ряде погребений Мартан-Чуйского I могильника с ярким инвентарем (6, 10, 29, 30) указанные категории вещей отсутствуют, что при богатстве и обилии находок позволяет видеть в этом хронологический признак погребений, по существу переходных от второй к третьей хронологической группе. Они содержат немало элементов материальной культуры предшествующего времени и датируются рубежом IX—X вв. и началом X в.

Остальные погребения второго этапа Мартан-Чуйского I могильника по наличию твердо определяющихся X—XI вв. стеклянных браслетов, бус (по Ю. Л. Щаповой, браслеты — византийские, бусы — сирийские), поясных наборов с четкими аналогиями в датированных восточноевропейских и венгерских древностях относятся к более позднему времени. Но они вряд ли далеко углубляются в XI в., так как сравнение с материалами Змейского могильника XI—XII вв. выявляет заметное отличие, что дает основание относить их ко времени не позднее пер. пол. XI в. Так же определяется джалкинский комплекс, содержащий все признаки погребений этой группы. В Майртупе тоже, видимо, есть катакомбы этого времени.

Выявление комплексов третьей хронологической группы позволило впервые представить облик материальной культуры алан Среднего Притеречья в X — пер. пол. XI в.

В последнем разделе данной главы обобщены сведения о погребальных памятниках кочевников на территории Среднего Притеречья. Они редки и разрозненны, однако их сводка и анализ выявили

интересные факты для характеристики этнокультурной панорамы эпохи.

Моздокское погребение датируется гуниским временем, но этническая принадлежность его проблематична. Галайтинский комплекс находок VII в. интерпретируется как кочевнический (А. К. Амброз), что вместе с костяной пряжкой из Гудермеса и болгарскими чертами Ахкиччу-Барзоевского могильника документирует определенное тюркское присутствие в восточных районах края. Отдельные погребения из Старощедринского кургана могут связываться с кругом памятников, оставленных населением Хазарского каганата IX—X вв. Интересно, что обломки типичного котла с внутренними ушками (болгарского?) и наконечник характерной пикки были найдены при раскопках храма Тхаба-Ерды (Горная Ингушетия).

Остальные материалы интерпретированы как кочевнические конца исследуемой эпохи и вероятней всего — половецкие (Новогладковская, Старощедринская, Карабулак, Алхан-Кала, Бердуги). Поздняя дата большинства их и малочисленность вступают в противоречие со свидетельствами грузинских источников о массовом и повсеместном половецком заселении равнины Северного Кавказа, в том числе о «кипчакском городе» на р. Суиже (З. В. Анчабадзе).

Четвертая глава — «Эволюция погребального обряда катакомбных могильников Среднего Притеречья» — посвящена рассмотрению основных черт обрядовой практики аланского населения, использовавшего в качестве погребального сооружения катакомбы.

Важной чертой обряда в первой хронологической группе является обычай возведения курганов над погребениями. Будучи распространенным явлением в начале эпохи раннего средневековья (Алды, Алхан-Кала, Октябрьское, Пседах), этот обычай почти исчезает к концу функционирования некрополей первой хронологической группы (Аллероевский могильник). В последнем случае его социальная мотивированность не вызывает сомнений.

Определенные изменения на протяжении эпохи раннего средневековья происходили и с основными компонентами погребального сооружения — катакомбами.

Форма дромосов в течение всего рассматриваемого периода особых изменений не претерпела, хотя ширина входных ям у погребений второй и третьей хронологических групп заметно уменьшилась по сравнению с дромосами катакомб конца IV — пер. пол. VIII в. Лазы представляли в некрополях Среднего Притеречья двумя основными формами — округлой и сегментовидной. Последняя в погребениях X—пер. пол. XI в. часто имела подчетыреугольные очертания. Для катакомб конца IV—V в. характерны вытянутые (до 1 метра) лазы. Подобные встречались и позднее, но в целом тенденция к уменьшению их длины очевидна. В прямой связи с этим явлением находится и процесс смещения максимальной высоты купола камеры к входному отверстию, отчетливо фиксируемый при сопоставлении данных по хронологическим группам.

В качестве закладов наиболее часто применялись каменные плиты, а в отдельных случаях использовались также материалы, как сыровые кирпичи, дерево, глина. В погребениях первой и второй

хронологических групп несколько раз отмечено применение в этих целях жерновов, что считается специфической чертой аланской погребальной обрядности.

Наиболее распространенной формой камер в катакомбных могильниках Среднего Притеречья на протяжении всей эпохи была овальная (около 70% в первой, около 60% — во второй, 100% — в третьей хронологической группе). В ряде случаев камеры погребений второй и третьей хронологических групп приближались к округлости (Фуртоуг, Верхний Алкуи, Мартан-Чу I). Среди погребений первой хронологической группы заметное место занимали погребения с четырехугольными камерами. Во второй хронологической группе известно несколько катакомб с трапециевидными и многоугольными камерами.

В 17% погребений конца IV — пер. пол. VIII в. обнаружены ниши (позднее они крайне редки).

Сравнительный анализ ориентировок камер и погребенных показывает, что в комплексах первой хронологической группы доминирует широтное положение костяков (в основном западное и прилегающие к нему направления). Во второй хронологической группе преобладает меридианальная ориентировка. В целом ориентация погребенных в этот период не очень устойчива, хотя в рамках отдельных некрополей наблюдаются закономерности (Ахкинчу-Барзой I, Гоуст). Погребенные в Ахкинчу-Барзоевском I могильнике имели стабильную северную ориентировку, что вместе с другими своеобразными чертами обряда (индивидуальность захоронений и т. д.) заметно выделяет данный могильник, отмеченный сильным болгарским влиянием и в вещевом сопровождении погребенных.

В комплексах третьей хронологической группы, представленной погребениями Мартан-Чуйского I могильника, отмечается резкое увеличение числа широтно ориентированных костяков (в основном на запад и северо-запад).

Представляется, что это явление, как и некоторые другие изменения в погребальной обрядности данной хронологической группы, можно связывать с проникновением в аланскую среду Среднего Притеречья христианства. Следует иметь в виду, что конфессиональные перемены здесь имели поверхностный характер и не привели в данном случае к коренному изменению погребального обряда. Некоторые факты позволяют предполагать наличие на территории Мартан-Чуйского I могильника в этот период христианского культового сооружения (часовни?).

Пронесшие на протяжении всей эпохи изменения коснулись и таких элементов обрядности, как поза погребенных, количественный состав захоронений, погребальная пища.

Доминирующим положением костяков в погребениях всех хронологических групп было вытянутое. Однако во второй хронологической группе зафиксированы случаи скорченного на боку положения погребенных. Похожая поза в несколько ином варианте (полускорченная) отмечена и в X — пер. пол. XI в. В интерпретации обеих разновидностей мы склонны принять мнение Е. И. Крупнова, полагавшего, что скорченные костяки принадлежат представителям гор-

ского (аборигенного) происхождения, но окончательное решение вопроса зависит от накопления нового материала.

В отношении количественного состава погребений выясняется, что среди комплексов конца IV — пер. пол. VIII в. индивидуальных захоронений было около половины. Во втор. пол. VIII—IX в. число их (в основном за счет Ахкинчу-Барзоевского I могильника) возросло, а в X — пер. пол. XI в. резко уменьшилось. Любопытно, что число детских индивидуальных погребений во всех группах довольно стабильно и мало по сравнению с числом детей, захороненных вместе с взрослыми. Среди парных погребений, процент которых заметно вырос к рубежу первого и второго тысячелетий н. э., преобладают совместные захоронения мужчины и женщины. Число коллективных погребений относительно невелико, однако тенденция их количественного роста к концу эпохи ощутима, что подтверждается и материалами других северокавказских катакомбных могильников X—XIII вв. (Змейский, Кольцо-гора, Рим-гора и др.).

Обычными для коллективных погребений были последовательные захоронения, хотя, видимо, имели место и исключения. В катакомбах же с парным количеством костяков захоронения чаще всего производились одновременно, однако в отдельных случаях фиксируется и последовательность.

Среди учтенных деталей ритуала можно отметить широкое использование древесного угля. На рассматриваемой территории оно зафиксировано во всех разрядах погребений: индивидуальных, парных и коллективных, причем в камерах — значительно чаще, чем в дромосах. Любопытно, что уголь практически не встречался в детских катакомбах на протяжении всей эпохи и не отмечен в индивидуальных погребениях взрослых X — пер. пол. XI в.

В комплексах первой и третьей хронологических групп зафиксированы растительные и тканевые подстилки. В X — пер. пол. XI в. в ряде камер обнаружена подсыпка из зеленоватого минерала, в наиболее богатых погребениях встречены кусочки красной краски.

Характерны изменения в составе керамики, прослеживаемые по хронологическим группам, косвенно указывающие на состав погребальной пищи. В конце IV — пер. пол. VIII в. почти в равных количествах представлены горшки и миски, кувшины и кружки. Во втор. пол. VIII—IX в. преобладание сосудов для питья становится очевидным. В X — пер. пол. XI в. в отдельных погребениях вновь появляются кухонные горшки, но большинство сосудов представлено кувшинчиками. Интересно, что кувшины из погребений первой хронологической группы заметно превосходили объемом сосуды этого же класса в комплексах последующих групп.

Следы тризы отмечены в насыпях курганов Алхан-Калинского и Аллероевского могильников; на территории Мартан-Чуйского I могильника обнаружены жертвенные комплексы, состоявшие из горшков с вложенными в них деталями конской сбруи. Видимо, поэтому последние не найдены в камерах указанного некрополя (в отличие, например, от Змейского могильника), хотя конские захоронения там были.

Здесь же вкратце характеризуются и традиционные места размещения в камерах некоторых категорий погребального инвентаря.

В целом рассмотренные материалы отражают определенные изменения в погребальной обрядности, свойственные эпохе и в известной мере связанные со сложными явлениями этнической консолидации аланского населения как Среднего Притеречья, так и всего региона.

В «Заключении» подводятся основные итоги анализа материальной культуры погребальных памятников Среднего Притеречья.

Разбор инвентаря и погребального обряда катакомбных могильников подтвердил мнение о присутствии на изучаемой территории большого контингента аланского населения на протяжении всей эпохи раннего средневековья (Е. И. Крупнов, В. А. Кузнецов, В. Б. Виноградов и др.).

Уточнилось время функционирования уже известных и была установлена хронология новых катакомбных могильников. Выделение значительной группы памятников конца IV — пер. пол. VIII в. позволило заполнить временной разрыв между могильниками позднесарматского времени и VIII—IX вв., что существенно уточнило представления об ареале распространения памятников данного типа на территории Среднего Притеречья в это время.

Анализ материалов ряда ранее известных некрополей VIII—IX вв. позволил уточнить их датировки, что вместе с определенным хронологии новых данных позволяет надеяться в дальнейшем на возможность достоверной конкретизации процесса расширения территории распространения катакомбных могильников.

Впервые выявленные для Среднего Притеречья выразительные комплексы X — пер. пол. XI в. Мартаи-Чуйского I могильника поставили на твердую почву реальных фактов предположение об обитании алан в крае на заключительном этапе эпохи раннего средневековья.

Классификационный анализ инвентаря катакомбных могильников и выделение основных форм в каждой из хронологических групп дают возможность составить определенное представление о материальной культуре аланского населения Среднего Притеречья в рассматриваемый период.

Исследование основных сторон погребального обряда могильников этого типа еще раз подтверждает, что обряд в совокупности с ведущими элементами материальной культуры может служить достаточно надежным этнокультурным указателем. Вместе с тем, на существующем уровне методики анализа этот вопрос нельзя считать решенным окончательно. Последнее применительно к рассмотренным материалам подтверждают и данные Ахкинчу-Барзоевского I могильника.

Обобщение наличных данных о погребальных памятниках тюркоязычных кочевников позволяет в определенной мере конкретизировать представления об их этнических группах, принимавших участие в исторических событиях конца IV — пер. пол. XIII в. на территории края. Немногочисленность материалов в целом частично объяснима тем, что для кочевников эпохи великого переселения на-

родов и половцев Среднее Притеречье было периферией. Более ощутимо влияние тюрк Хазарского каганата, что нашло выражение не только в наличии «степных» комплексов и находок (Галайты, Гудермес), но и отразилось в катакомбных могильниках (Ахкинчу-Барзой).

На рассматриваемой территории пока не выявлены некрополи, отвечающие известным стандартам аборигенного оформления могил. Попытки связать часть раннесредневековых катакомбных могильников с находящимся населением (М. Х. Багаев) лишены серьезной аргументации.

Видимо, в условиях политико-культурного доминирования на основной части Среднего Притеречья раннесредневекового аланского этноса поиск следов протонахского этнического элемента в составе плоскогорного населения должен вестись в русле тщательного сопоставительного анализа инвентаря и деталей погребального обряда с целью выявления в них компонентов горского происхождения. Проведение такой работы сейчас затруднено недостаточной изученностью соответствующих некрополей горной зоны. Пока же лишь некоторые факты из области материальной культуры (шейные гривны, браслеты с тремя утолщениями, серьги с подвижными бусинными колонками, некоторые типы амулетов) и погребального обряда катакомбных могильников (скорченные костяки) могут быть поставлены в определенную связь с реальностью алано-горского синтеза в плоскогорной зоне края и в прилегающих горах.

Сложность решения этого злободневного вопроса состоит и в том, что раннесредневековая аланская народность (ираноязычная, как аргументировано считают лингвисты) сама предстает уже как результат длительных этнокультурных слияний. Своими корнями она уходит в этнические процессы сарматской эпохи, суть которых сегодня видится так: «В результате активно протекавших интеграционных процессов в традиционной контактной зоне между горами и степью происходило не просто сближение, а слияние, синтез, в результате чего складывались качественно новые этнообразования, отличные как от степных пришлых сарматов, так и от кавказских автохтонных племен. Ход этногенеза тут не подчинял сарматов и аборигенов друг другу, а постепенно создавал из части их новый «предэтнос», который в дальнейшем развился в средневековую аланскую народность, отнюдь не идентичную позднесредневековым осетинам» (В. Б. Виноградов, Я. Б. Березин). Механизмы миграции продолжали работать и в эпоху раннего средневековья, еще более усложняясь все возрастающим включением в сферу их действия тюркоязычного населения северокавказских степей (М. Г. Магомедов, А. В. Гадло).

Таким образом, этническая ситуация эпохи раннего средневековья в Среднем Притеречье характеризуется разновеликим присутствием трех этнокультурных групп населения — ирано-тюрко- и протонахоязычной. Однако выявить динамику и все стороны их взаимоотношений на протяжении эпохи в полном объеме на наличном материале не представляется возможным.

Известные на сегодняшний день факты позволяют предполагать

совместно-чересполосное (при сохранении этнической специфики) проживающие аланы и протонахоязычного населения в некоторых районах Юго-Восточной Чечни (Ичкерии). В плоскостных районах, примыкающих к ним с севера, преобладающее аланское население подвергалось ошутимому влиянию со стороны Хазарского каганата. Однако, судя по новым данным (Майртуп, Джалка), аланы сохранились тут до заключительного этапа эпохи раннего средневековья.

Основное ираноязычное население края было сосредоточено в центральных и западных районах Среднего Притеречья. Присутствие здесь представителей других этнических групп, очевидно, имело место, но пока документировано недостаточно, что требует воздерживаться от категорических суждений.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Аллеровский катакомбный могильник. — В кн.: Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во., 1973, с. 16.

2. Археологические памятники средневековья у селения Али-Юрт (Чечено-Ингушетия). — СА, 1974, 2, с. 223—228 (в соавторстве с Р. А. Даутовой).

3. Аланская катакомба XIV в. у сел. Ушкалой. — СА, 1974, 3, с. 266—269 (в соавторстве с Р. А. Даутовой).

4. Новые аланские могильники в плоскостной и предгорной Чечено-Ингушетии. — В кн.: Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 39—40.

5. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии. — АО—1973. М., 1974, с. 101—103 (в соавторстве с В. Б. Виноградовым, С. Л. Дударевым, В. А. Петренко).

6. Из истории связей раннесредневековой Ичкерии с Дагестаном. — В кн.: Пятое Крупновское чтение по археологии Кавказа: Тез. докл. конф., Махачкала, 1975, с. 89—91.

7. Разведочные работы в Чечено-Ингушетии. — АО — 1974. М., 1975, с. 101—102 (в соавторстве с В. Б. Виноградовым, С. Л. Дударевым, В. А. Петренко).

8. Ред на кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. — ИСКИЦ ВШ. Ростов-на-Дону, 1975, 1, с. 104—106 (в соавторстве с С. Л. Дударевым, В. А. Петренко).

9. Исследование раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии. — АО — 1975. М., 1976, с. 115—117 (в соавторстве с В. Б. Виноградовым).

10. Алхан-Калинское «кострище». — В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный: ЧИГУ, 1977, с. 54—58.

11. Разведки в Чечено-Ингушетии. — АО — 1976. М., 1977, с. 96—97 (в соавторстве с С. Л. Дударевым).

12. О хронологии раннесредневековых катакомбных могильни-

ков Чечено-Ингушетии. — В кн.: VIII Крупновские чтения: Тез. докл. конф. Нальчик, 1978, с. 89—90.

13. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии (по материалам новых могильников). — В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1979, с. 63—86 (в соавторстве с В. Б. Виноградовым).

14. О городе Дедакове и Алхан-Калинском городище. — В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1979, с. 112—120.

15. Раскопки раннесредневековых могильников Чечено-Ингушетии. — АО — 1978. М., 1979, с. 136—137 (в соавторстве с С. Н. Саенко, Г. Асхабовым).

16. Поздние кочевники в бассейне среднего течения реки Терек. — В кн.: X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф., М., 1980, с. 71—72.

17. Литейная форма из Ялхой-Мохка (Юго-Восточная Чечня) — СА, 1980, 4, с. 270—272.

18. Назревшие вопросы хронологии и этнокультурной характеристики в раннесредневековой археологии Терско-Сулакского междуречья. — В кн.: Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Грозный: ЧИИИСФ, 1980, с. 184—187.

19. Восточные монеты раннего средневековья. — В кн.: В. Б. Виноградов. Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИГУ, 1981, с. 8—11 (в соавторстве с В. Б. Виноградовым).

20. Аланы Северного Кавказа в арабо-хазарских войнах VII—VIII вв. н. э. — В кн.: Археология и краеведение — вузу и школе; Тез. докл. конф., Грозный, 1981, с. 37—39.

21. Стекланные сосуды из раннесредневековых катакомбных могильников Среднего Терека как источник по культурным связям с окружающим миром. — В кн.: Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: Тез. докл. конф., М., 1981, с. 98—100.

22. О характере строительных остатков Алхан-Калинского городища. — В кн.: Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения: Тез. докл. конф., М., 1982, с. 80—82.

23. Глава III. Социально-экономическое и политическое положение Чечено-Ингушетии в V—IX вв. — В кн.: История Чечено-Ингушской АССР, т. I (проспект). Грозный: ЧИИИСФ, 1983, с. 15—17 (в соавторстве с В. Б. Виноградовым).

24. Глава IV. Народы Чечено-Ингушетии и аланское государственное образование. Контакты с Грузией и Русью (X — начало XIII в.) В кн.: История Чечено-Ингушской АССР, т. I (проспект). Грозный: ЧИИИСФ, 1983, с. 17—20 (в соавторстве с В. Б. Виноградовым).

25. К изучению византийско-северокавказских связей (по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья). — Византийский временник, т. 44, М., 1983, с. 190—196 (в соавторстве с В. Б. Виноградовым).

26. Алаевский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970—1976 гг.) — В кн.: Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе: СОИИИ, 1984, с. 62—86 (в соавторстве с В. Б. Виноградовым).

27. Из истории изучения средневековых городов Центрального Кавказа. — В кн.: Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИИИИСФ, 1984, с. 79—94.

XX